

РАННИЕ СВЕДЕНИЯ О БОЛДИНСКОЙ ВОТЧИНЕ ПУШКИНЫХ

Болдинская осень 1830 г. занимает особое место в жизни и творчестве А.С. Пушкина, поэтому история села Болдино, родового имени великого поэта, заслуживает внимательного изучения. Благодаря издательскому проекту нижегородских архивистов «Арзамасский уезд в XVIII веке» в научный оборот вводятся ранние описания Болдина, относящиеся к первому столетию его истории. Ряд наблюдений, сделанных на основе этих источников, позволяют представить облик села и состав его населения.

Первое описание, сохранившееся в «Писцовой книге Арзамасского уезда 1621–1623 гг.», гласит: «Село Еболдино на речке на Азанке, что была деревня за бортники» [1]. Топоним («Еболдина»), подтверждаемый более ранними актами 1612 г., указывает на его мордовское происхождение. Об этом же свидетельствует и расположение у небольшой речки, в целом характерное для мордовских деревень [2]. Бортничество, традиционное занятие мордвы, перенималось русскими, селившимися со второй половины XVI в. в мордовских деревнях. Поэтому фразу «что была деревня за бортники» следует понимать как вид поселения («бортничья деревня») со смешанным, русско-мордовским, составом населения к началу XVII в. (а быть может, и ранее). Строительство церкви ускорило процесс ассимиляции местных жителей, так что к 1620-м годам Болдино – уже русское село.

Постепенное преобразование деревни мордовской, а позднее бортной, в русское село следует связывать с деятельностью его владельцев Пушкиных. К сожалению, нет документальных свидетельств о точном времени появления в Арзамасском уезде представителей этого рода. Возникновение уезда и массовое испомещение здесь русских землевладельцев датируется 1560–1570-ми гг.; процесс этот продолжался и позднее. Увы, остается неизвестным, кто из Пушкиных впервые и когда получил землю у речки Азанки в поместье.

Нет достоверных документальных подтверждений популярной версии о пожаловании Болдина в 1585 г. Иваном Грозным воеводе Евстафию Михайловичу Пушкину за оборону

Смоленска и за переговоры со Стефаном Баторием. Версия эта тем более сомнительна, что ни Евстафий, ни его ближайшая родня – потомки Михаила Пушкина не владели поместьями или вотчинами в Арзамасском уезде. [3] Источники свидетельствуют, что к началу XVII в. поместьями и вотчинами в различных местах Арзамасского уезда владели представители двух других семейств младшей ветви рода Пушкиных: сыновья Гаврилы Григорьевича, Григорий и Степан, а также сын Семена Пушкина Федор (двоюродный брат Гаврилы). С.Б. Веселовский ввел в научный оборот грамоту, выданную от имени «Совета всея земли» 15 ноября 1612 г. и направленную в Арзамасскую приказную избу. Грамота указывала привести крестьян деревни Еболдиной, данной Ивану Федоровичу Пушкину из поместья в вотчину, к послушанию вотчиннику [4]. Судя по тексту, И.Ф. Пушкин испомещен здесь был ранее сентября 1612 г. Обращает на себя внимание тот факт, что грамоту в приказную избу подал слуга не Ивана, а его родного брата – Федора. Несомненно, что в вопросах землевладения в Арзамасском уезде братья действовали «заодин»: об этом же свидетельствует опубликованный С.Б. Веселовским «Список арзамасцов дворян и детей боярских, у которых за ноугородские неты [то есть за уклонение от участия в походе на Новгород в 1613 г. – Б. П.] поместья в треть и вполье розданы в роздачу». В списке указано, что у Ф.С. Чемесова, Н.Д. Труфанова, Л.А. Нечаева «поместей их отдано Федору да Ивану Федоровым детям Пушкина» [5]. Через десять лет, в «Писцовой книге 1621–1623 гг.» Иван отсутствует, а Федор Федорович Пушкин указан уже как владелец села на правах вотчины по жалованной грамоте царя Михаила Федоровича «за московское осадное сиденье» 1618 г. При этом неясно, владел ли Федор Федорович Пушкин селом ранее на правах поместья, а главное, были ли они с братом Иваном когда-то совладельцами Болдина. Иными словами, были ли братья вместе испомещены здесь до сентября 1612 г., а затем последовательно, хотя и в разное время, обратили поместье в вотчину, да еще и прирастили свои владения за счет соседей?

К сожалению, проверить это на основе достоверных источников (хотя бы косвенных) пока не удастся. Известно лишь, что Федор и Иван Федоровичи Пушкины вместе с отцом Федором Семеновичем Пушкиным служили в ополчении кн. Д.М. Пожарского, а затем в соединенном (с сентября 1612 г.) земском ополчении. Московский дворянин Ф.С. Пушкин, последний раз упомянутый в боярских списках в 1628 г., вскоре умер, и нет сведений, что он когда-либо владел Болдином. Его

сын Иван Федорович, с которым связано первое документальное упоминание «деревни Еболдиной» в 1612 г., в боярских списках 1626–1633 гг. отсутствует, так как он умер ранее, еще при жизни отца. Другой сын, Федор Федорович Пушкин по прозвищу «Сухорук», московский дворянин (с 1636 г. – стряпчий), в 1618 г. активно участвовал в обороне Москвы «в королевичев приход», а в дальнейшем не раз получал ответственные назначения: был «в письме» в 1626 г. (в Московском уезде) и вновь в 1629–1632 гг., служил воеводой в разных городах [6]. Федор должен был наследовать брату Ивану, умершему бездетным [7], но неясно, когда и при каких обстоятельствах это произошло. По мнению А.П. Павлова, деревня Еболдина после смерти Ивана, последнее упоминание о котором относится к 1615 г., «перешла к его брату Федору, который владел ею в качестве поместья (очевидно, в силу действия боярского приговора 30 ноября 1613 г. о переводе выслуженных вотчин, пожалованных «при боярех» «за московское очищенье», в поместья), а затем Ф.Ф. Пушкину с. Еболдино было пожаловано в вотчину за московское осадное сидение «в королевичев приход»» [8]. По всей видимости, получив в 1618 г. жалованную грамоту, Федор оказался единственным владельцем-вотчинником Болдина и владел им до смерти. Однако неизвестно, владел ли кто-нибудь из Пушкиных этими землями до братьев Федоровичей. Необходим дополнительный поиск источников, хотя бы косвенных.

А вот дальнейшая владельческая история села Болдино восстанавливается на основе переписных книг достоверно. В 1646 г. вотчиной владеют вдова Федора Федоровича Анна и их сын Иван Федорович [9]. В 1677/78 г., вероятно, после смерти матери, стольник Иван Федорович Пушкин – единственный владелец вотчины в селе Болдино. Известны многочисленные придворные и воеводские службы И.Ф. Пушкина на протяжении почти сорока лет (до начала 1680-х гг.) [10], так что в своей арзамасской вотчине он едва ли появлялся. Это отразилось на управлении села: если в писцовой книге начала 1620-х гг. здесь отмечены двор вотчинника и двор приказчика, то в 1646 г. и 1677/78 г. нет ни того, ни другого. Следовательно, с середины XVII в. Болдино управлялось «миром», то есть выборными из местных крестьян, платя взаимно оговоренные подати своему владельцу. Наверняка это соответствовало чаяниям крестьянского «мира», где могла сохраниться память о самоуправлении «бортной деревни». Возможно, в попытке нарушить этот сложившийся издавна порядок крылась причина «непослушания» крестьян «деревни Еболдиной» в

1612 г. пожалованному вотчиннику – дяде и полному тезке Ивана Федоровича. Примечательно, что и Михайло-Архангельская церковь, построенная в селе между 1612 г. и 1621 г., и все ее имущество – «мирское, приходных людей» [11].

Сопоставительный анализ данных писцовой и переписных книг о населении и внутренней структуре болдинской вотчины свидетельствует о развитии села в допетровский период. В начале 1620-х гг. здесь было 44 двора: 20 крестьянских и 24 бобыльских; в них душ мужского пола – 20 крестьян и 25 бобылей (всего 45 душ). Перепись 1646 г. зафиксировала 67 дворов: 46 крестьянских и 21 бобыльский; в них проживало душ мужского пола: 202 и 57 крестьян и бобылей, соответственно (всего 259 душ). В 1677/78 г. в вотчине было 86 дворов: 37 крестьянских и 49 бобыльских; в них проживало душ мужского пола: 163 и 113 крестьян и бобылей, соответственно (всего 276 душ) [12].

Примечательно, что среднее количество душ мужского пола в бобыльских дворах заметно меньше, чем в крестьянских дворах: в 1646 г. – 2,7 чел. против 4,4 чел.; в 1677/78 г. – 2,3 чел. против 4,4 чел. Этот факт заставляет вновь вспомнить суждение С.Б. Веселовского о бобылях XVII в. как о «худых», то есть малоимущих людях, в ряде случаев и «по местным обстоятельствам» «негодных в тягло». Ученый отмечал, что «указы 128–140 гг. [то есть 1619/20 – 1631/32 гг. – Б. П.] в интересах казны лишали писцов права освобождать от тягла худых людей и значительно суживали усмотрение писцов... Одновременно указы давали объективные нормы для положения людей в тягло. В этом, как я думаю, главное значение указов и в этом смысле можно говорить, что после них худые люди, и в том числе и бобыли, из нетяглых стали тяглыми» [13]. Сравнительно малое количество рабочих рук в бобыльских дворах с. Болдино, по-видимому, свидетельствует о маломощности таких хозяйств и подтверждает наблюдение С.Б. Веселовского. В его же пользу свидетельствует и факты свободного, то есть не оформляемого юридически, перехода из крестьян в бобыли, наверняка вызванного чисто хозяйственными обстоятельствами [14].

В этой связи следует отметить, что дворы, которыми владели вдовы (единственные женщины, показанные в переписных книгах!), учтены в переписи 1646 г. в числе дворов крестьянских (7 дворов), а в переписи 1678 г. – в числе бобыльских (5 дворов). Действительно, хозяйство, оказавшееся в руках женщины после смерти мужа, могло стать «худым» при малолетних сыновьях, – однако могло на поверку оказаться и состо-

ятельным, если там были взрослые сыновья или зятя [15]. Тут уж, как говорится, «все относительно». Но, по-видимому, вдовий век был коротким, ибо вдовы переписей 1646 г. и 1677/78 г. суть разные лица. За тридцать лет, отделявших одну перепись от другой, вдовы 1646 г. успели либо умереть, если были в преклонных годах (на это указывает количество взрослых сыновей), либо повторно выйти замуж. О том, что существовала и такая возможность, свидетельствуют упоминания пасынков или сыновей от первого брака [16].

Имена и патронимы болдинских жителей XVII в. – тема самостоятельного антропонимического исследования. Но обращает на себя внимание тот факт, что не только в 1677/78 г., но и ранее, в начале 1620-х гг. и в 1646 г. практически все имена и патронимы крестьян и бобылей, все имена вдов – канонические («календарные», «церковные», то есть нареченные по святцам). С большим трудом обнаруживаются два неканонических («обиходных») имени у болдинских бобылей в нач. 1620-х гг.: «Жданко» и «Меншик». В переписи 1646 г. лишь единственный патроним «Путиловы» у двух братьев-крестьян сохранил след неканонического имени их отца. Наряду с этим, во всех переписях XVII в. у болдинских жителей указаны только имена и отчества; единственное исключение – фамилия (от прозвища) «Быков» у одного из крестьян [17]. Перечисленные особенности резко отличают жителей села Болдино от основной массы русских поселений Арзамасского уезда XVII в., где «обиходные» имена и патронимы встречаются нередко, по крайней мере, до реформ патриарха Никона, а прозвания-фамилии у крестьян и бобылей к 1677/78 г. становятся уже привычными. По-видимому, здесь сказалось мордовское происхождение большинства жителей Болдина, потому что именно для мордвы нехарактерны славянские «обиходные» имена и русские прозвища-фамилии. Мордовские же прозвища-фамилии, если они и были, русские переписчики в православных селениях не записывали, ограничиваясь каноническими именами и патронимами.

Общий статистический анализ переписей XVII в. позволяет сделать вывод, что село Болдино развивалось сравнительно успешно. Количество дворов к 1678 г. (конец допетровского периода) по сравнению с началом 1620-х гг. (завершение Смуты) увеличилось почти вдвое, а население – примерно в шесть раз! При этом важно подчеркнуть, что количество душ мужского пола не сокращалось и после 1646 г., в том числе в период кровопролитной русско-польской войны 1653–1667 гг.: напротив, оно возросло, хотя и незначительно (с 259 до

276 душ). При этом внешней миграции, то есть переселенцев из-за рубежа (например, «польского полону») в Болдино не зафиксировано, а внутренняя миграция тяглых была невелика. Перепись 1677/78 г. зафиксировала только один двор беглого крестьянина, тогда как обычно у мелких землевладельцев в бегах числилась чуть ли не половина крестьян. При этом перепись 1646 г., напротив, отметила факты бегства крестьян в село Болдино – вотчину И.Ф. Пушкина [18]. Большинство же болдинских крестьян, судя по переписям, вообще не покидало вотчину, что, кстати, позволяет без особого труда проследить генеалогию некоторых семейств на протяжении четырех-пяти поколений – даже несмотря на отсутствие фамилий! [19]

По-видимому, сравнительно спокойной была и внутренняя жизнь пушкинской вотчины. В допетровских актах Арзамасской приказной избы, введенных к настоящему времени в научный оборот, село Болдино не упоминается, и случаи дворянской или крестьянской уголовщины (грабежи, разбои, убийство крепостных) здесь в рассматриваемый период не отмечены. Ключевую роль в этом могло сыграть крестьянское самоуправление. «Мир», опиравшийся на традиции бывшей бортной деревни, в отсутствие вотчинника и его приказчика наверняка старался сам через своих выборных решать местные проблемы, не доводить дело до суда и «не выносить сор из избы».

К сожалению, по известным ныне источникам не удается проследить динамику хозяйственной жизни села. К началу 1620-х гг. по писцовой книге в Болдино числилось «пашни паханые вотчинниковы дватцетъ пять чети, да крестьянские пашни восемь чети, да перелогу шездесят семь чети, и обаго пашни и перелогу сто чети в поле, а в дву по тому ж, земля добра; сена меж поль и по заполью и по вражком и по реке Азанке по обе стороны четьреста копен; в живущем восемь чети» [20]. Рост количества дворов и жителей в течение XVII в. должен был привести к увеличению пашни и активному освоению других угодий, среди которых важнейшими, по С.Б. Веселовскому, были «усадебная земля с околицей, гумном и выгоном, сенные покосы, дровяной и строевой лес и водопой для скота, а в случае надобности и прогон к водопою» [21]. О норме оклада известно, что в 1631/32 г. власти Арзамасского и Нижегородского уездов добились его снижения с прежнего («в поместьях и вотчинах в живущее на четверть по 2 двора крестьянских и по 2 двора бобыльских») на более легкий, по примеру Курмыша и Алатыря, где чуть раньше велено было считать «в поместных и вотчинных землях на четь

пашни доброй земли по 5 дворов крестьянских и по 3 бобыльских...» [22]. Но для уточнения количества пашни и угодий села Болдино к концу XVII в. и размеров собиравшихся в это время податей необходимо привлечение дополнительных источников – платежных книг, отписей из приказной избы. Это остается актуальной задачей дальнейших исследований.

В целом пушкинское Болдино к концу допетровской эпохи было заметным владением по сравнению с другими вотчинами в Арзамасском уезде. По данным О.А. Шватченко, всего в данном регионе, с его сравнительно высоким уровнем развития феодального землевладения, насчитывалось 7 светских вотчин, где было 466 дворов и проживало 1477 душ мужского пола крестьян и бобылей. При этом в с. Болдино насчитывалось 86 дворов и 278 душ [23]. Следовательно, на долю владельцев Болдина приходилось 18,45 % от общего количества вотчинных дворов и 18,82 % от общего количества вотчинных душ в Арзамасском уезде – то есть почти 1/5 часть. Это обстоятельство предопределило роль села Болдино в общем объеме владений рода Пушкиных, а также роль самих Пушкиных среди землевладельцев региона.

Примечания

1. Писцовая книга Арзамасского уезда 1621–1623 гг. Т. 2. Н. Новгород, 2022. С. 150. Рукописный источник: РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 7040. Л. 405 об. – 407об.

2. Речка Азанка – приток р. Чека, впадающей в р. Пьяну. Гидронимы в окрестностях современного с. Большое Болдино – также мордовского происхождения: Салалей, Жималейка, Мокшендейка.

3. Правдоподобно выглядит догадка, что Е.М. Пушкину, бывшему в 1580 г. воеводой в Смоленске, были пожалованы владения именно там: д. Болдино до сих пор существует в Смоленской области (15 км от Дорогобужа). Однако эта догадка требует документального подтверждения.

4. *Веселовский С.Б.* Арзамасские поместные акты (1578–1618 гг.). М., 1915. С. 446–447. В тексте сказано (с. 446): «В 121-м году [1612 г., до 15 ноября; вероятно, в сентябре. – Б. П.] то ево поместье с его окладу дано ему в вотчину, и то е деи ево вотчины, деревни Еболдина, крестьяне не слушают; и нам бы по совету все земли велети ему дати послушную грамоту». Грамоту в приказную избы «121-го декабря в 3 день подал Федоров человек Пушкина Васька Микифоров» (с. 447). Документ перепечатан: *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 522–523.

5. *Веселовский С.Б.* Арзамасские поместные акты (1578–1618 гг.). М., 1915. С. 518.

6. «Подлинные» боярские списки 1626–1633 годов. Сборник документов (Составитель Е.Н.Горбатов). М., 2015. С. 39, 124, 202, 285, 363, 414, 475. Об Ф.С. Пушкине см. там же, с. 37 (с пометой «комната»), 122, 200. В служебной карьере этой ветви рода отчетливо отразились отмеченные С.Б. Веселовским черты: «Пушкины не гонялись за быстрыми и ненадежными успехами и не пользовались тяжелым положением родины для личного обогащения. (...) Пушкины проходили свой путь через все повороты событий тяжелой поступью, не упускали того, что полагалось им по их чинам, происхождению и заслугам, но в то же время не поддавались соблазну схватить что-либо не по своей «мере». Большой груз сословных предрассудков и твердых понятий о чести рода придавал поведению Пушкиных в бурных событиях тяжеловесную устойчивость». (См.: *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 119).

7. По родословной книге, «у Федора Семенова сына дети: Федор Сухорук да Иван без[детный]. А у Федора Сухорука сын Иван да дочь – за боярином за княж Иваном Андреевичем Хованским» (Памятники истории русского служилого сословия. М., 2011. С. 100).

8. *Павлов А.П.* Думные и комнатные люди царя Михаила Романова: просопографическое исследование (в 2 т.). СПб., 2022. Т. 1. С. 697 (прим. 42). Т. 2. С. 386 (и прим. 2824).

9. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 7043. Ч. 2. Л. 1376 об. – 1383 (готовится к печати). Примечательно, что в популярных справочниках (например, в «Википедии») Ф.Ф. Пушкин показан умершим в 1653 г. Однако в «Переписной книге Арзамасского уезда 1646 г.» его жена Анна, урожденная Давыдова, уже именуется вдовой. О.А. Шватченко отметил, что Анна имела вотчины в Московском, Шуйском, Ярославском уездах, а также родовую вотчину в Коломенском у. Песоченском ст. – сц. Давыдово. Но при этом исследователь ошибочно именует ее «Анной Федоровной» (см.: *Шватченко О.А.* Светские феодальные вотчины в России во второй половине XVII века (историко-географический очерк). М., 1996. С. 150), тогда как она «Анна Иванова дочь Федоровская жена».

10. Прекращение службы могло быть вызвано близким родством с боярином кн. И.А. Хованским («Тараруй», казнен в 1682 г.), замужем за которым была Ирина («Арина»), родная сестра И.Ф. Пушкина (см. выше, прим.6).

11. См.: Писцовая книга Арзамасского уезда 1621–1623 гг. Т. 2, с. 150: «...а в церкви образы, книги и ризы и сосуды церковные и колокола и всякое церковное строенье мирское, приходных людей».

12. При переписи 1646 г. в итоговой записи (Кн. 7043. Ч. 2. Л. 1383) отмечено крестьянских дворов 47, в них душ мужского пола – 201. При этом в крестьянском дворе у Тимошки Григорьева показан «сын десяти лет» (л. 1379 об.), но без имени; возможно, его не сосчитали?

При переписи 1677/78 г. 5 дворов, которыми владели вдовы, учитывались вместе с бобьльскими дворами (44 двора): всего 49 бобьльских дворов. В итоговой записи (Кн. 7044, л. 238) указано 165 крестьянских душ мужского пола, тогда как при тщательном многократном пересчете их оказалось всего 163.

Причиной расхождения количественных показателей в итоговых записях и при современном пересчете могла быть техническая ошибка переписчиков XVII в. при переписывании сведений с черновых сказок (пропуск имен?).

13. *Веселовский С.Б.* Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и пососного обложения Московского государства. Т. II. М., 1916. С. 516–520.

14. Пример: в 1623 г. Омелька Григорьев – бобьль (Кн. 7041. Л. 407); в 1646 г. он же показан как крестьянин – «(в) Омелка Григорьев з детми з Гришкою да с Костюю (Кн. 7043. Ч. 2. Л. 1379 об.).

Сравнительно недавно М.Ю. Зенченко в своем источниковедческом исследовании переписных книг 1678/78 г. предложил иное толкование понятия «бобьль»: тяглый сельскохозяйственный работник, не пользовавшийся наемным трудом. (Зенченко М.Ю. Книги подворной переписи 1677/78 г.: время создания, принципы составления, итоговые документы // Отечественные архивы. М., 2012. № 2. С. 30–39). Исследователь исходил из своих наблюдений об отсутствии в бобьльских хозяйствах «соседей», «подсоседников», «захребетников», «деловых людей» и прочих разновидностей батраков. Однако наблюдения над текстом «Переписной книги Арзамасского уезда 1678 г. («Утишные» станы)» (в настоящее время готовится к печати) позволили выявить у бобьлей «соседей» (4 двора), «подсоседников» (3 двора) и «делового человека» (1 двор); см. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 7045. Л. 19 об. – 20, 313 об., 318, 321, 555–555 об., 570. Как говорится: «Это всё? – Не всё. Но всё же...». Поэтому выводы М.Ю. Зенченко о бобьлях следует признать ошибочными. Применительно же к с. Болдино следует отметить, что здесь наемных работников, судя по переписям, не было ни у бобьлей, ни у крестьян.

15. Примеры по переписи 1646 г.: «(в) вдова Федорица з детми с Сидорком да с Евтюшкою, а у Сидорка сын Петрунка, а у Евтюшки сын Олешка, (в) вдова Ксеньица з детми с Стенкою да с Офонкою да с Миткою, а у Стенки сын Васка, а у Офонки сын Мишка» (Кн. 7043. Ч. 2. Л. 1376 об. – 1377). Здесь в первом дворе два взрослых сына, у которых есть по сыну (внуки Федорицы), то есть минимум два полноценных работника; во втором дворе у вдовы три сына и два внука – значит, опять-таки минимум два полноценных работника. Иной случай: «(в) вдова Марьица з детми с Мишкою да с Мишкою ж да с Микишкою, да зять во дворе Терешка» (там же, л. 1377–1377об.); следовательно, есть взрослая дочь, и принятый во двор зять – полно-

ценный работник. К сожалению, переписчик не указывает возраст детей, и не исключено, что кто-то из них (в особенности внуки) – несовершеннолетние.

Примеры по переписи 1677/78 г.: «(в) вдова Агрофеница Кузмина дочь, у нее детей сын Гришка да Олешка да Гришка ж да Сенка тринадцати лет Дмитриевы дети» (Кн. 7044, л. 234 об.) – один несовершеннолетний сын, но три других сына – взрослые; «(в) вдова Марыца Назарьева дочь з детьми Пронька да Кирюшка да Макарко пяти лет» (там же) – два взрослых сына. Но едва ли мощным был двор, где «(в) вдова Овдотьица Артемьева дочь, у нее сын Микитка Григорьев» (там же, л. 237) – всего один взрослый сын, при неизвестном количестве и возрасте дочерей...

При письме начала 1620-х гг. вдовьи дворы в с. Болдино отсутствовали.

16. Примеры: «(в) бобыль Алешка Кондратьев, у него детей Бориско пятнатцати лет да Офонька семи лет да пасынок Гришка Изосимов пяти лет» (Кн. 7044, л. 235-235 об.), то есть А. Кондратьев женился вторым браком и взял женщину с ребенком – скорее всего, вдову; «(в) вдова Устинья Иванова дочь, у нее детей Ганка Киреев да Офонька да Тимошка осми лет Терентьевы дети» (там же, л. 235 об.), то есть Устинья была замужем за Кириллом и имела от него сына Гаврилу, а затем, овдовев, вышла замуж за Терентия и родила двух сыновей, но вторично овдовела.

17. См.: Писцовая книга Арзамасского уезда 1621–1623 гг. Т. 2, с. 150 (или по рукописи: РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 7041. Л. 407, 407 об.); Кн. 7043. Ч. 2. Л. 1382 об.; там же, л. 1379.

18. Перепись 1677/78 г. по с. Болдино: «(д) беглого крестьянина Васьки Иванова, у него детей Агейко да Митька да Сенька да Мишка да Васька» (Кн. 7044, л. 238). По переписи 1646 г. в с. Верякуши, Ичаловского ст. Арзамасского у. (поместье Савелия и Ивана Владимировых детей Волынских): «(д) пуст Гришки Варламова, бежал во 149-м [1640/41] году, а живет за Иваном Федоровым сыном Пушкиным в Арзамасе в селе Болдине [В ркп. ошибочно: «Болтине». – Б. П.] (Переписная книга Арзамасского уезда. Т. 1. Н. Новгород, 2024. С. 244, или по рукописи: Кн. 7043. Ч. 1. Л. 475); в д. Адашево Залесного ст. за Шатковскими воротами (поместье Тимофея Федорова сына Куроедова): «да беглых крестьян: Мишка Семенов збежал во 147-м году, а живет на Березниках за князем Иваном Ивановичем Ромодановским, да с ним сын ево [так в ркп.; надо: «пасынок»?] Ларка Иванов, побегал во 152-м году, а живет в Орзамаском уезде за Иваном Пушкиным в селе Болдине» (Кн. 7043. Ч. 2. Л. 1203 об.). И действительно, по той же переписи 1646 г. в селе Болдино отмечено: «(в) Гришка Варламов з детми с Янкою да с Федкою да с-Ывашком да с Офонкою» (там же, л. 1378 об. – 1379). Правда, Ларька Иванов в селе Болдино по переписи

си не значитя, зато в самом конце переписи (л.1382об.) указано: «(в) боббль Логинко Семенов». Не «спрятан» ли под этим обозначением сын Мишки Семенова из д. Адашево, бежавший без семьи?

19. Примеры:

1623 г. – крестьянин Игнашко Кондратьев (Кн.7041. Л.406об.);

1646 г. – (в) Игошка Кондратьев з детми с Васкою да с Карпункою да с Микишкою да с Петрункою да с Петрункою ж да с Панкою, а у Васки сын Сенка, у Карпунки дети Ивашка да Гришка да Костка, а у Мишки дети Климка да Олешка да Спирка (Кн. 7043. Ч. 2. Л. 1378–1378 об.);

1678 г. – (в) крестьянин Панька Игнатъев, у него детей Фетька да Олешка, у Фетьки сын Мишка пяти лет (Кн.7044. Л.237).

Генеалогия одной из ветвей этого крестьянского рода: Кондратий (живший, вероятно, в конце XVI в. и умерший к 1620-м гг.) > Игнатий > Павел > Федька > Мишка (пяти лет в 1678 г.). Всего пять поколений.

20. Писцовая книга Арзамасского уезда 1621–1623 гг. Т. 2, с. 150 (или по рукописи: РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 7041. Л. 407 об.).

21. *Веселовский С.Б.* Сошное письмо... Т. II. М., 1916. С. 383.

22. Там же. С. 489–490.

23. *Шватченко О.А.* Светские феодальные вотчины в России во второй половине XVII века (историко-географический очерк). М., 1996. С. 191. Автор пользовался итоговыми данными источников, не пересчитывая их. Но в данном случае расхождения несущественны.